

ЖЫПАР ИСАБАЕВА

ЛЮБОВЬ БЕЛОГО ЗМЕЯ

ЖЫПАР
ИСАБАЕВА

ЛЮБОВЬ БЕЛОГО ЗМЕЯ

БИШКЕК 2026

Исабаева Жыпаркул
Пока не увянет луна

«Автор»

2026

Жыпаркул И.

Пока не увянет луна / И. Жыпаркул — «Автор», 2026

Что, если однажды любовь окажется сильнее самой природы? Высоко в горах, где древние легенды живут рядом с людьми, рождается Белый Змей — существо, которому не суждено было полюбить человека. Но судьба нарушает все законы. Его сердце тянется к людям, а встреча с Кызмончок становится началом истории, способной изменить не только две жизни, но и саму границу между миром людей и миром природы. «Любовь Белого змея» — философский роман Жыпар Исабаевой, в котором древние кыргызские мифы, народные предания и богатый национальный колорит переплетаются с глубокими размышлениями о любви, добре и зле, сострадании, верности и цене выбора. Это повествование о поиске души, о борьбе с предопределением, о силе материнской любви, способной победить месть, и о том, что истинная человечность определяется не происхождением, а способностью любить и жертвовать собой. Яркие образы, напряжённый сюжет, поэтичный язык и атмосфера древнего Востока превращают роман в глубокое и захватывающее произведение.

© Жыпаркул И., 2026

© Автор, 2026

Исабаева Жыпаркул

Пока не увянет луна

Жыпар Исабаева

Литературный перевод на русский язык — Цун-Эр

Подстрочный перевод — Жылдыз Акаева, Нурэл Алмасбеков

Любовь Белого змея

Часть 1

Кто бы мог подумать? Как может прийти в голову нечто столь невероятное: дитя змеи, рождённое в глуши, вдруг начинает тосковать по людям, влюбляется в человека — будто и само становится человеком... Над серыми холмами воет суховей. Он мечется по обнажённым склонам, поднимает пыль, разрывает иссохшую глину. У подножия чёрного камня, похожего на древнее жилище, что будто стоит здесь с начала времён, застыл белый змей — длиннее человеческого роста, с редкими пятнами на гладкой коже.

Он словно оцепенел, не сводя взгляда с далёких человеческих поселений. Недалеко отсюда, среди острых, как клыки, каменных скал, лежит его родина — Жинди-Чап, на самом краю земли Жер-Куй. Это место, куда не добраться ни человеку, ни даже птице.

Говорят, когда-то этот унылый, лысый склон был цветущей долиной. Здесь колыхалась высокая трава, журчала жизнь. Из-под той самой скалы, что теперь стоит голая и немая, бил родник — звенел, переливался, сиял. Девушки и женщины набирали из него воду, омывались в пенящемся потоке, весело плескались под водопадом.

Но однажды беда обрушилась на село. Налетели захватчики, сожгли деревню, увели девушек в рабство. Напали на беззаботных людей, подожгли деревню и развеяли её пепел по небу. Девушек, купавшихся в воде, окружили — чтобы увезти в рабство, сделать служанками и наложницами.

Среди них — дочь горного шамана. Она знала язык духов. — Лучше умереть, чем быть в неволе! Заберём с собой тех, кто поднял руку на наш народ! Она произнесла древние заклятия — как кару. Земля содрогнулась. Небо вспыхнуло тысячью молний. Горы заходили ходуном. Земля треснула — и разверзлась бездна. Скалы раскололись, и в трещину провалились все: и девушки, и враги, и кони, и оружие.

С тех пор родник исчез, склон выгорел. Там больше не живёт никто. Только змеи приняли эту землю. Так родилась Безумная расщелина — Жер-Куй.

А наш белый змей — как раз из той самой земли, из проклятого змеиного края. Будто сам Всевышний начертал ему такую судьбу. С самого детства, с тех пор как был совсем крошечным, он тянулся к людям. Всё кружил возле человеческих жилищ, подглядывал, вынюхивал — будто искал кого-то, будто тянулся к теплу. Всё чаще уходил от родных скал, где оставалась его змеиная родина. И это стремление к людям — не угасало. Напротив, с каждым разом оно становилось всё сильнее, упорнее, будто роковой зов. Судьба его с каждым шагом становилась всё запутаннее. И никто — никто на этом свете — не знает, чем всё это в конце концов обернётся.

Вой бури не стихал. Пыльный ветер раз за разом засыпал змея серой пылью, будто закапывал, а потом сразу же срывал этот саван с его тела — завывая то резко, то протяжно, глухо...

Но он, то сворачивающийся кольцами, то вытягивающийся вдоль склона, не замечал ничего вокруг себя, не чувствовал ни холода, ни ветра, ни пыли.

Всё его тело пылало огнём. То ли от тоски, то ли от любви, но разум не знал покоя. И тяжёлое тело тоже — мечется, извивается, словно в поисках спасения. О, если бы не та осенняя история — никто и ничто не смогло бы остановить его! Он бы снова, как прежде, сгорал от желания и мчался бы прямо в деревню!

В такие моменты Кызмончок чувствовала, что он приближается. Она выбегала ему навстречу — в своём красном платье, размахивая подолом, помахивая ему платком. А если не успевала — он сам проходил по той самой тропке, что проложил ранее, и прямо входил в её дом. Как человек. Они стояли долго, обнявшись. Кызмончок, не веря своему счастью, кружилась с ним в объятиях, прижимала к себе всем телом.

И тогда — как всегда — её родители смотрели на них в немом потрясении. Не зная: радоваться им или тревожиться? Но когда Жан, выскальзывая из объятий Кызмончок, подползал к ногам Асылбека и Сыргак, словно дитя, изголодавшееся по ласке, — сердце Сыргак таяло. Смущаясь, но не в силах сдержать себя, она протягивала ему руки и говорила с нежной, тёплой улыбкой: — Как ты, Жан? Всё хорошо?..

И только тогда, будто нехотя, Асылбек, как всегда, бросал устало, почти без эмоций:

— Пришёл?

Но даже в этих двух коротких слогах Жан чувствовал многое. Он понимал: пусть Асылбек и не показывал этого, в нём всё же было... что-то. Да, быть может, как у отца. Или просто — как у человека. Какое-то безмолвное тепло, затаённое сочувствие. Но в то же время, Асылбек не хотел, чтобы Жан возвращался. Не хотел видеть его каждую весну.

Он молча наблюдал, как Кызмончок и Жан, отделившись от всех, сидели вместе — тихо, тесно, как двое, давно привыкших друг к другу, и шептались друг другу слова о тоске, об ожидании.

Кызмончок в такие моменты обычно спрашивала:

— А как ты зиму пережил?

И Жан терялся. Как рассказать, что всю зиму он ничего не знал, не чувствовал, спал в своей норе, забыв мир. Для существа, которое и без того страдало от того, что не человек, — это было особенно тяжело. Он стыдился этой своей звериной сути. Разве Кызмончок не понимала этого? Понимала. Ещё как. Она всё читала в его глазах: и то, что он думает, и то, что прячет, о чём молчит. И тогда — будто сердце её вдруг наливалось теплом — она прижимала его к себе, как родного, ласково, по-доброму. Смотрела в глаза с любовью и нежностью. И чуть улыбалась, одними уголками губ.

«Может, она тогда просто пожалела меня?..» — подумал Жан. — «Может быть...»

Потому что дальше Кызмончок никогда больше ничего не спрашивала. Она начинала рассказывать о себе. О том, как скучала по нему всю зиму. Как он приходил к ней во сне — снова и снова. Говорила, что даже вышила его образ — своими руками, на платке. И доставала из-под груза вещей маленький, красивый сундук. Открывала его. И выкладывала перед Жаном белые лоскутки: на каждом — его изображение. Большие и маленькие. Один — с кольцами, другой — с расправленным телом. Где-то он изгибался, где-то смотрел прямо в глаза.

Жан смотрел на каждый рисунок, не отрываясь. Он удивлялся её волшебству. Он восхищался её белыми, мягкими, как лепестки, руками. Он ловил в них всё — тепло, живую силу, любовь... Но как бы сильно он ни был потрясён — в ту же самую секунду его обжигала боль. Глухая, едкая, как яд. «Эх, если бы у меня были такие руки... Я бы мог такие подарки для неё делать... Я бы...»

На этой мысли что-то рвануло в груди, и Жан тяжело, как бы протяжно застонал.

— Кшш-ш-ш!.. — вырвался у него длинный, жалобный вздох, полный тоски.

И вдруг, Жан увидел её. Ветер колыхал подол красного платья, развевал рукава — тонкая, лёгкая фигура девочки в стёганом камзоле мелькнула перед ним, как мираж. И в ту же секунду донёлся знакомый человеческий голос. Обрывистый, волнующий. Но звук не долетел. Ветер сорвал его, разорвал — и унёс куда-то прочь, в беспамятство. Исчез. Затих. Жан понял — Кызмончок чувствует, что он идёт. Она знает. Она зовёт его, спешит, даёт знак — может, что-то кричит, может, умоляет...

И он пошёл быстрее. Напрягся. Словно грудью отталкивался от ветра, вслушивался в воздух, ловил обрывки её дыхания — хотя бы тень её голоса. Но вскоре он сбавил ход... Остановился. Замер. Прислушался. Шум бури заглушал всё. Он не мог различить ни одного её слова. Только порывы, вздохи ветра, шорох пыли. Ещё недавно бурю он и не замечал. Но теперь она злила его. Вызывала ярость, обиду. Будто насмехалась, будто нарочно мешала ему добраться до неё!

Из последних сил, он дотащил своё тяжёлое тело до гребня холма — и, приподнявшись, оглядел низину, раскинувшуюся перед ним. Пологий склон у подножия холма превращался в ровную, широкую равнину. А дальше уже начиналась деревня: не очень большая — всего несколько дворов, из чьих печей поднимались лёгкие струйки дыма. Она виднелась как на ладони.

На краю деревни, чуть в стороне от других построек, ближе к подножью гор, стоит скромный домик — с крышей из камыша и окнами, сияющими в сумерках, как тонкая нить света, как ушко иглы. Этот дом особенно дорог Жану. Он милее ему, чем даже его собственное логово. Он знает в нём всё: не только обстановку, но и характер каждого обитателя. Он выучил их привычки, манеру двигаться, голос, ритм жизни. Этот дом был для него миром, к которому он принадлежал.

А по вечерам, когда начинало смеркаться, в том самом окошке — крошечном, низком — загоралась розоватая дрожащая полоска света... Если подойти ближе и заглянуть в окно, можно увидеть, как в центре комнаты тихо пылает огонёк. Его свет мягко колыхнется — и в этом свете тонкая, смуглая молодая женщина, туго повязав на лбу белоснежный платок, то раскатывает тесто, ловко и бойко, то моет чашки, посуду.

А хозяина дома — высокого, широкоплечего мужчину с открытым лицом — змей по-настоящему любил. Он не был шумным, как многие. Всегда — сдержанный, уравновешенный, сильный, без лишних слов. По вечерам он садился с комузом — перебирал струны, играл то задумчиво, то с размахом, то в тишине, с закатанными рукавами, долго выводил мелодии. И тогда его жена, занятая чем-то — вдруг замирала, поднимала голову и смотрела на мужа с восхищением, с добротой, с любовью. Иногда — с почти детским восторгом.

А змей... Сначала он просто подражал Кызмончок. А потом — начал слушать по-настоящему. Ложился у ног Асылбека перед очагом, вытягивал тело и приподнимал голову — чтобы слышать звуки ближе, глубже, яснее. Он слушал всем своим существом. Для Жана это было наслаждение. Это были минуты, которые казались ему волшебством, праздником, наградой. А особенно — Кызмончок! С самых малых лет она любила комуз. Сидела у отца на колене — тише травинки — и не отрывая взгляда от его пальцев, вслушивалась в то чудо, что рождалось из дерева и струн. Словно открывался перед ней целый мир.

Тогда-то и стали люди в деревне перешёптываться: Кызмончок — совсем не такая, как остальные дети.

— Нет, ну что ни говори — она не просто ребёнок, — шептали удивлённо, качая головами.

А мать, Сырга, в такие минуты тревожно всплескивала руками —словно птица, прикрывающая крыльями птенца:

— Ой, Господи, да что ж это?! За что ж все набросились на мою девочку?! —

И тихо молилась:

— Лишь бы Всевышний отвёл от неё дурной глаз и лихое слово! Пусть убережёт моё дитя!

Она мечтала, чтобы Кызмончок скорее выросла — выросла, обрела свою силу и ушла от людских пересудов. Но даже повзрослев, Кызмончок не смогла избавиться от людской молвы. Наоборот — чем старше становилась, тем больше было перешёптываний, и всё труднее было дышать под этим гнётом. А больше всего людей волновало одно — Кызмончок каждый день уходила одна в горы. Это казалось странным, пугающим.

Сначала поговаривали:

— Да в неё, кажется, сам дьявол поселился! Среди бела дня уходит за холмы — и разговаривает сама с собой!

— Нет, это духи её уводят, у неё видения!

Позже сплетни стали совсем дикими — но именно они начали находить особенно охочих слушателей:

— Она, говорят, язык змей знает!.. Всё дальше от людей уходит. И сама уже становится змеей!

— Батюшки, неужели правда?.. Кызмончок беременна!

— От змеи забеременела, представляешь?!

— Когда срок подойдёт — превратится в змеиную ведьму! В настоящую ажыдаарку!

Так, шёпотом, тревожно и боязливо, люди стали говорить друг другу эти небылицы — и верили. И, конечно же, нашлись и такие, кто, подливая яд, начали шептать всё это Асылбеку. Сначала робко, намёками. Потом всё громче, всё увереннее. В деревне начался час сплетников — и злоба, как ядовитый дым, уже тянулась к сердцу отца...

Пока вечер не вступил в свои права, пока не сгустились сумерки и мир не начал скрываться в тенях, змей лежал и думал. Он ждал — когда начнётся настоящее. Ждал, пока не наступит тот самый час, когда человеческий глаз уже не различает очертаний, а змеиный разум остаётся ясным.

Он глубоко вдохнул, всё тело его дрогнуло от этого затяжного, как в последний раз, вдоха. И чтобы отвлечь себя, и чтобы подготовиться, и чтобы ещё раз пройти весь путь — он стал перебирать в памяти свою жизнь. Всю — от самого начала. Как будто протягивал перед собой нить за нитью, воспоминание за воспоминанием, переплетая их в узор, в котором, быть может, и найдётся ответ на то, что происходит с ним сейчас.

Да, именно так. Этот огромный белый змей — когда-то был всего лишь тоненьким, гибким детёнышем. А Кызмончок тогда ещё даже не ходила — была грудным младенцем. Их дружба началась в те самые, почти неосознанные дни. С тех пор она крепла. С каждым годом — всё теснее, всё глубже, всё нежнее, пока, наконец, не стала чем-то таким... что и словами не выразить. Стала чувством — чистым, как родник, грустным, как песня, любовью, что вошла в их сердца и навсегда осталась там — невыразимым, светлым, невозможным томлением.

О, сколько прекрасных дней пережили они вместе! Если бы не проклятая доля, если бы не жестокий, заранее написанный сценарий этой жизни — если бы не законы мира, по которым один из них должен быть человеком, а другой — зверем...

Может, они бы просто любили. Просто ушли бы вдвоём. Бродили бы по свету, словно песня без конца, словно ветер, что не знает границ. Но... нет. Так нельзя. Раз уж родился на этом свете — будь добр, подчиняйся его законам. Человек должен оставаться человеком. А зверь — зверем. И разве они думали об этом тогда, в детстве? Нет. Конечно — нет.

А началось всё вот как...

Кызмончок тогда была ещё совсем маленькой. Она никак не могла выговорить слово «жылан» — так называли змею на её родном языке.

— Жа... Жан... — упрямо повторяла она, протягивая к нему маленькие ладошки.

Белый змей будто понял, что девочка зовёт именно его. С тех пор в этом доме его стали называть Джаном.

В густой по пояс траве ползал молодой змей. Он был весь — из движения, из шума, из радости. Шустрый, озорной — ну как не удивиться его живости и задору! И, что особенно странно — он совсем не походил на других змей. С самых первых дней, едва подняв голову от земли и впервые взглянув на свет, он почему-то тянулся к людям. Всегда — туда, где их запах, их следы, их голоса. Сначала мать-змея пугалась, следила за ним, ползла за ним по пятам, осторожно, тревожно. Но потом — смирилась. Поняла, что удержать его не сможет.

Юный змей был влюблён в красоту. Он мог посреди самого безумного бега вдруг остановиться, поднять голову — и смотреть, как струится вода в ручье, как журчит её голос. Он с интересом пробирался между пёстрых цветов, заглядывал в сады, высматривал людей, следил за тем, как они живут — как ходят на двух ногах, как водят за собой скот, как смеются, как работают... Почему он так любил их — он и сам не знал. Иногда — ему страшно хотелось самому стать человеком. Жить среди них. Говорить. Быть рядом.

Но настоящий праздник для молодого змея начался в тот день, когда на летнем пастбище впервые поставили эту юрту. С той поры он приходил сюда каждый день — с первыми лучами солнца, на перегонки с рассветом. Полз к одному большому, пёстрому камню, что стоял чуть поодаль — и забирался на самый верх. Он лежал и подолгу наблюдал за людьми — за каждым их движением, за каждым жестом.

Многое он не понимал. Многое ускользало от его змеиных понятий. Внутри него всё чаще нарастал вопрос. Он сидел не только в голове — а во всём теле, в каждой чешуйке: "Почему?" Почему они такие? Почему он не такой? Иногда от этих размышлений он сам не замечал, как погружался в дремоту, свернувшись клубком прямо на тёплом камне, под лёгким ветром, в звоне насекомых и далёких голосов.

Но было и ещё одно, чему не мог он найти объяснения — почему, едва завидев его, все пугались и разбегались прочь? «Почему?!» — всё чаще спрашивал себя молодой змей, сжавшись в кольцо. «Что я им сделал плохого?.. Разве я кому-то причинил вред?..» Нет. Наоборот! Он ведь мечтал бегать вместе с козлятами и жеребятами — весело прыгать по лужайке, скакать наперегонки через холмы и овраги. Он хотел лететь с ними — туда, где не видно конца небу, где ветер свободен, где можно просто быть вместе.

Иногда, заворожённо глядя на птиц, он сам начинал мечтать о полёте. Бил хвостом о землю, вздрагивал всем телом — словно готовился к взлёту. Но его никто не понимал. Стоило детям и животным подойти к тому пёстрому камню, где он обычно лежал — они вдруг замирали, а потом, с испуганным криком разбегались прочь.

И с людьми он сталкивался. Пару раз — даже совсем близко. Однажды, заигравшись, он сам не заметил, как подполз прямо к юрте. Полог был приподнят, тундук открыт. Изнутри доносился звон посуды, голоса — женский смех, оживлённая болтовня. И среди всего этого — детский голос. Смеющийся. Живой.

Всё это казалось ему до боли знакомым. Будто он уже когда-то это слышал. Когда-то — давно, в другой жизни. Он застыл. Маленький змей лежал неподвижно, весь обратившись в слух. Казалось, вот-вот — и он войдёт в дом. Сколько раз уже он подбирался к этому порогу — почти заходил... но каждый раз останавливался. И вдруг — дверь резко отворилась. Кто-то вышел из юрты. Внезапно. Быстро. Оба — и человек, и змей — замерли. Оцепенели. Стояли молча. Долго не могли отвести глаз друг от друга, как будто и дышать забыли.

Асылбек за свою жизнь видел много змей. Но такой — ещё ни разу. Это был белый змей. Совсем маленький — тонкий, как прут. Всего в две-три ладони длиной. Но в нём было что-то... Если бы Асылбек пригляделся, если бы позволил себе взглянуть внимательнее, он бы понял: этот змей — безобиден. Никакой угрозы. Только... что-то другое, непонятное. Но он не успел. Растерялся. Зашевелилось что-то внутри — тревожное, смутное. Особенно когда он увидел, что змей лежит прямо у самого порога, как будто ждал. Как будто... хотел вползти. И тогда в нём всё сжалось. Он испытал странное чувство — непонятное, двойственное, где-то между страхом и влечением. Он вспомнил свой старый сон — тот, что тревожил его ночами и не давал покоя: то ли предвестие беды, то ли знак чего-то, что не укладывалось ни в разум, ни в сердце. И вдруг ему показалось: вот он — этот самый знак. Сбывшийся. Настоящий.

Маленький змей в первую секунду замер. Оцепенел. Смотрел на человека, не отрывая глаз. В каждом движении человека он пытался уловить хоть что-то знакомое, хоть намёк на ответ. Вглядывался — с надеждой. Будто пытался что-то вспомнить. Будто ждал. Это была их первая встреча. Первая — лицом к лицу.

Он всё ещё лежал, не двигаясь, когда человек вдруг потянулся назад — к ручке, к блестящему краю железа. Через мгновение в воздухе сверкнуло лезвие. С глухим свистом, оно летело прямо в змея! Он едва успел увернуться. Шмыгнул в сторону. Всё произошло за долю секунды. Сильный удар — и металлический наконечник лопаты воткнулся в землю, в том самом месте, где мгновение назад был он. «Чпак!» — сухой, хлёсткий звук. Словно кто-то раздавил мечту.

Если бы не его ловкость — ему бы снесло голову. Он метнулся прочь, как ужаленный. Без оглядки. Мчался в сторону, откуда пришёл, с гулом в голове и тупой, ядовитой обидой в сердце: «Что я ему сделал?... Почему?..»

Он не находил ответа. Только глухое, детское разочарование кипело внутри, словно тихий, неумелый протест: «Вот если бы я был большим змеем!..»

Он хотел затаить обиду. Он хотел по-змеиному коварно отомстить. Но в глубине души он знал — даже если бы стал огромным, он всё равно не смог бы причинить вред. Всё равно тянулся бы к людям. Всё равно не мог бы различить, где зверь, где человек. Что-то в нём — сильнее природы — всё равно потянуло бы его обратно.

Он даже не заметил, как добрался до скал, до своего тайного укрытия. Когда оглянулся — не знал, сколько прошло времени. Не чувствовал, сколько прошёл. Наверное, это была обида, что гнала его вперёд, что стирала из памяти расстояние.

Солнце уже пряталось за горы. Половина долины ещё была залита светом, а другая погружалась в тень. Скоро наступит вечер. Потом — ночь. Потом — тишина. Всё, что живо, уснёт. Мир затихнет, как бы растворится. Но змеёныш этого не хотел. Он тосковал по свету. По движению. По звукам, голосам, шагам. По жизни, которая была недоступна ему. И всё же — он устал. От бесконечного ползания. От попыток понять. От разочарований.

Асылбек сидит, перебирая струны комуза. Мелодия мягкая, неяркая — переливается в воздухе, как вечерний свет. Кызмончок, как обычно, подползает ближе. Её крошечные ручки тянутся к инструменту — она тоже хочет играть. Что-то лопочет на своём языке, а Асылбек только улыбается и продолжает играть — теперь уже не только для себя, но и для неё. Он

закрывает глаза. И вот уже под пальцами рождается что-то особенное — струны звучат будто дыхание ветра, тончайшие переливы, будто птичьи вздохи.

Сырга, только что закончившая возиться с посудой, поправляет платок и смотрит на мужа — нежно, ласково, влюблённо. Садится рядом, украдкой — как девочка. И, не в силах сдерживать себя, обвивает его шею мягкими, тёплыми руками, дарит поцелуй в губы — полный благодарности и счастья.

Пальцы Асылбека на струнах замедляются. Звук стихает.

— Дорогой мой, — шепчет она. — Ты лучший на этой земле... Как бы я жила без тебя? Ты мой свет...

Её голос — полушёпот, но в нём — вся её жизнь. Она не играет — она просто любит. Асылбек немного растерян от этого наваждения — но, как обычно, не выказывает лишнего. Прислоняет комуз к стенке и, словно возвращая себя в реальность, проговаривает:

— А Кызмончок еще не спит...

Сырга ещё крепче обвивает его. Присаживается к нему на колени, прижимается к груди. Тихо, без слов. А Кызмончок, будто понимая, что её родители целиком поглощены друг другом, начинает притворно капризничать, будто ревнует — к маме или к папе — непонятно.

Асылбек смотрит на обеих с нежностью. Обнимает их — крепко. Привлекает к себе. Прижимает. Вдыхает их запах — и кажется, ничего в жизни больше не нужно. Он пьян от счастья.

— Уложи дочку, жаным — говорит он жене. — А я схожу, взгляну на скот.

Сырга стелет постель и заворачивает Кызмончок. У малышки глаза — чёрные, как ночь — сияют по-особенному. Длинные ресницы мерцают, словно солнечные нити, а губки — крохотными спиральками ищут грудь. И вот Сырга прижимает к её рту набухшую, дрожащую от молока белую грудь, и всё её тело, налитое теплом, замирает в блаженном покое материнства. Она закрывает глаза — не от усталости, а от того, что это чувство переполняет её: чистое, полное, без остатка.

Когда малышка засыпает, Сырга надевает ночную рубашку, распускает свои длинные чёрные волосы и, не в силах усидеть, выходит во двор навстречу любимому — словно сердце само толкает её вперёд.

Она — как ночной ангел: белая рубашка чуть касается земли, тело — пылает жаром, вся она — огонь, свет, нежность. Асылбек, не удержавшись, поднимает её, как ребёнка, кружит, кружит на руках — и вместе с ними смеётся горный ветер, шевелит её подол, треплет волосы, а их смех наполняет ночь звоном счастья.

Кажется, даже луна и звёзды не выдерживают — и тоже начинают вращаться с ними, как будто всё небо улыбается им. Они падают на траву. И среди этой тишины Сырга вдруг смеётся, игриво говорит:

— Асыке?

— Оу?

— Посмотри... За нами луна подглядывает.

Асылбек улыбается краешком губ и притягивает Сыргу ближе:

— Какая она светлая... красивая... Если у нас снова будет дочка — давай назовём её Толгонай, да?

И в этот момент — они уже не здесь. Они — в мечте.

В ту ночь они пришли к нему — в его сон. Маленькому змею снились они: люди. Те самые. Те, кто пугали его и одновременно притягивали. Он помнил, как человек хотел его убить. Но во сне этот человек ему... нравился.

Мужчина, женщина с белым платком и вышитой жилеткой поверх яркого платья, и их ребёнок — все трое шли прямо к нему. Смех. Белые зубы. Свет. Женщина, смеясь, держала девочку на руках. И все они смотрели на змея — не со страхом. С добротой. Словно он — один из них.

Змей испугался. Попытался отползти, отпрянуть, заметался, замотал головой — но не мог сдвинуться с места. Тело не слушалось. А тем временем мужчина наклонился — взял его на руки, как ребёнка. Женщина мягко провела ладонью по его телу от головы до самого хвоста. Ласково. С нежностью. Даже девочка — крошечная, с пухлыми ручками — тянулась к нему, улыбалась, лепетала, как будто говорила с ним.

И вот уже все четверо — змей и люди — шли куда-то вместе, через зелёную траву, через простор и свет. Шли, не оборачиваясь. Куда — он не знал. Но это было... как мечта, в которую хочется провалиться навсегда.

Ранним утром, едва рассвело, маленький змей снова оказался у юрты. Может, из-за сна, что приснился ночью, может, потому что обида уже рассеялась — он снова пришел к людям.

По дороге, продираясь сквозь траву, он шуршал по холодной росе, и, добравшись до знакомого пёстрого камня, уставился в сторону дома. Хозяйка юрты вышла наружу. Постелила у двери домотканый коврик-таар, а потом вынесла из дома колыбель. Присела, накормила младенца, развязала пеленки, освободила ручки.

Змею понравилась колыбель. Особенно — дитя в ней. Как оно махало руками, как что-то лепетало, словно звало его. Он чувствовал — что-то манит его туда, всё ближе. Душа не находила покоя. Он пополз, затаив дыхание, всё ближе, всё смелее. Словно каждое движение малыша было приглашением.

Наконец, он приблизился почти вплотную. Младенец, будто почувствовав его, вдруг замолчал. Прислушался. Посмотрел в сторону змея. Они застыли. Маленький змей и маленький человек. И вдруг младенец улыбнулся. Широко, искренне, как только умеют дети. Словно свет включился. Он протянул к змею руки. Захотел его потрогать.

Маленький змей был счастлив. Он уютно обвился вокруг перекладки люльки, и каждый раз, когда младенец заливался смехом, качал головой, мотал шеей туда-сюда, будто подыгрывал ему. Это была их игра. Их счастье. Их момент. Но вдруг из юрты вышла женщина. Она направилась прямо к ним. Змей вздрогнул. И в одно мгновение, почти не касаясь земли, нырнул под таар, укрылся в складке, затаился.

— Чего ты тут хохочешь, моя радость? — приговаривала она, поднимая ребёнка. — Умай-эне тебя развлекает, что ли?

Женщина осторожно разворачивала пелёнки, приговаривала:

— Ну-ка, ну-ка, надевай свою новую безрукавку... Смотри-ка, какая красавица у меня выросла! Пусть одежда будет крепкой, а душа — ещё крепче! Это не мои руки тебя одевают, а руки Умай-матери — Батма и Зуура помогают!

Змей, хоть и не человек, но всё же был ещё ребёнком. Он лежал под тканью, согретый её голосом, и в какой-то миг даже забылся от удовольствия. Словно и ему досталась капля этой ласки, этих прикосновений.

Но всё изменилось в одно мгновение. Женщина, подняв ребёнка, сделала шаг — и наступила прямо на тот самый коврик, под которым прятался змей. От боли всё его тело содрогнулось, а в следующую секунду он уже был готов укусить. Чуть-чуть не укусил. Остановился. На самой грани.

Этой ночью он не пошёл домой. Он свернулся под своим пёстрым камнем и не двигался. Он не знал, что в этот момент его мать уже места себе не находит. Что она ждёт. А вскоре

не выдержит, бросится его искать. И тогда в человеческом доме произойдёт то, чего никто не ожидал...

Мать-змея шла прямо к юрте. Она уже не раз приходила сюда, прячась, наблюдая за людьми. Этот дом, эта семья ей были хорошо знакомы. Изнутри доносились голоса, чей-то приглушённый смех, иногда — детский крик, то радостный, то недовольный.

«Вот он — их ребёнок. Смейся. Под защитой родителей...» — подумала змея. — «А мой? Мой — где?»

Она припала к земле, подползла ближе, заглянула внутрь. Внутри горела лампа. Огонёк дрожал, освещая тёплый, живой мир: в центре — очаг, в очаге — пылающий огонь, на нём — кипящий казан. Всё было, как всегда. Только тревога не отпускала её. Она вдруг захотела услышать голос сына. Просто убедиться: он жив. Он рядом. Но звуков не было. «Неужели... они...?» — мысль ударила, как удар в грудь. Холод прошёл по телу. Если бы это оказалось правдой — её бы уже ничто не остановило. Ни дом, ни люди, ни страх.

Змея медленно, беззвучно переползла порог. Взрослые разговаривали в глубине юрты. Но дитя — дитя заметило её сразу. Оно уставилось на вход. Глаза округлились. А потом — вдруг засветились. Оно забилося в радости, замахало ручками — и, как всегда, запело:

— Гы-гы... гы-гы... — Словно узнало.

Змея замерла. Потом, молнией нырнула под войлочный ковер и затаилась в темноте.

Когда в юрте погас свет, созвездие Уркер уже поднялось в самый зенит. Шёпот трёх голосов, звучавших весь вечер, утих. Теперь слышно только, как младенец время от времени булькает во сне, как мать в полусне напевает — «алдей» — и как покачивается люлька.

Через открытый тюндюк в юрту заглядывают звёзды. Едва доносится журчание ручья. Асылбек, ещё раз вслушался в ночь, вдохнул поглубже — и уснул. Его дыхание, казалось, звучит прямо у уха матери-змеи — так близко она была. Снаружи мир утонул в тишине. Разве что лошадь, привязанная неподалёку, взбрыкивала и фыркала, будто что-то почуяла. Вся вселенная, всё живое затихло в глубоком сне. Это и был тот самый момент, которого ждала мать-змея. Она стала ловить звуки. Пыталась поймать дыхание сына. Выйти на его след. Но — ничего. Его здесь не было.

И тогда... ей стало ясно. Что-то случилось. Тело её стало ледяным, как зимний камень. Глаза сузились — ни капли тепла. Она стала медленно подниматься. Тяжёлое тело шевельнулось — впервые за всё это время.

Асылбек вздрогнул. Проснулся. Что-то шевельнулось рядом — неуловимо, но ясно. Он пощупал рукой под постелью — там было пусто.

— Ты не спишь? — шёпотом спросила Сырга, чтобы не разбудить ребёнка.

— Нет, — ответил он.

— Я тоже... Не знаю, почему... сердце колотится.

— Почему?

— Не знаю. Спать совсем не хочется...

В это время мать-змея, обогнув юрту, подползла прямо к колыбели. На мгновение замерла. Слышно было, как дышит ребёнок. Она могла бы укусить. Всё внутри неё этого хотело. Зашипеть, вонзиться зубами, отомстить за своего.

Но... что-то — материнское, древнее, сильнее боли, сильнее ярости — не дало. Пасть не раскрылась, зубы не сомкнулись, жало замерло. Она не смогла.

Но... Мстить — мстить она всё равно будет. Пусть иначе. Пусть не так. Пусть узнают, каково это — терять. Пусть сгорит у них душа. Пусть стонут, как стонала она...

Скоро и уверенно змея развернулась и подползла к бутылочке, что стояла у колыбели. В ней было молоко. Она приблизилась. Прижалась. И тонкой, молниеносной струёй впустила

в молоко яд. Только тогда её тело чуть расслабилось. Впервые за всё время. Она обернулась. Один раз — в последний — взглянула на женщину и мужчину. На девочку.

Никто ничего не знал, не заметил. А она уже уходила. Сломанная. Опустошённая. Тяжёлым телом она ползла по земле, вдавливаясь в неё всем брюхом, периодически всхлипывая:

— Кшшш... кшшш...

Её тело — стальное. Но душа — рвалась на части. Она не знала, что её сын — жив. Что всё было зря. С обугленным сердцем, она двигалась, повторяя в себе клятву: «Я не оставлю их. Пока в груди что-то живо — я не прощу...»

...И именно в этот миг под скалой, в своём каменном укрытии проснулся её сын. Он резко поднял голову, вслушался — и узнал её шорохи, её дыхание. Он метнулся ей навстречу. С детской радостью.

В это время Сырга, баюкая закапризничавшую дочку, тихо запела «алдей». Обычно малышка спала крепко, но сегодня — что-то было не так. Она вертелась, хныкала, не брала грудь, всё ёрзала, будто что-то мешало. Сырга прижалась ближе, погладила, поцеловала, защёлкала языком, уговаривая, как всегда:

— Спи, родная... Ук-тай, жаным... Алдей-алдей, ак бөпөм, Ак бешикке жат бөпөм. Аа... Аа... Аа...

Но и колыбельная не помогла. Малышка металась, мотала головой, а потом — вдруг — расплакалась в полный голос, пронзительно, с надрывом.

— Что с тобой, соколик мой? — испуганно прошептала мать, прильнула к дочке.

Плач усиливался. Он становился каким-то тревожным, предвещающим беду. Сырга испугалась. Разбудила мужа:

— Асылбек, проснись! Она совсем не такая... У неё, может, что-то болит... Не могу понять, что с ней.

Она растерянно оглядывалась по сторонам, нащупывая то одно, то другое. И вдруг вспомнила:

— Может, она хочет молока? — сказала и тут же начала судорожно искать бутылочку.

Малышка, будто почувствовав опасность, вскрикнула ещё громче. Плакала уже не просто от каприза. В этом плаче было предчувствие невидимой беды.

И именно в этот миг мать-змея увидела сына! Он выскочил прямо ей навстречу — внезапно, сияя под лунным светом. Глаза блестели, как осколки звёзд. Он суетился, извивался, вскарабкался на кончик хвоста — то ли от радости, то ли извиняясь: «Я здесь! Я жив!»

Глаза у матери расширились, как будто выскочили из орбит. Она застыла. Окаменела. Не верила глазам. Нет, верила. Но слишком резко, слишком больно — радость стала похожа на испуг. И вдруг, с усилием, она вытянулась до самого кончика хвоста, приподнялась над землёй и издала странный, долгий звук:

— Тс-с-с-сс... Тс-с-с-с-с! — Это было и рыдание, и шёпот, и стон, и, может быть, смех. Звук вырвался из самых глубин, словно душа прорвалась наружу. И только тогда она склонилась. Обвилась вокруг его белого, гладкого тела, что сверкало под луной, и прижала к себе.

Сын приник к ней, потёрся, вильнул хвостиком. Он не понимал, но был счастлив. Он не знал, но чувствовал. И в этот момент он увидел... по щекам матери стекали две капли. Холодные, круглые, прозрачные, как роса. Он удивился. Он ещё не знал, что такое слёзы. И не знал, что когда-нибудь сам узнает, каково это — плакать.

Но это счастье не длилось долго. Всё было так хорошо, так спокойно. И вдруг, что-то щёлкнуло в памяти матери-змеи. Она вздрогнула. Натянулась. Словно её ударила молния. Тело

снова стало жёстким. Вспомнила! Вспомнила то, что только что сделала. Мечь. Яд. Чужой ребёнок. Чужая семья. Она резко сбросила сына с себя, оттолкнула, словно он стал преградой. И, сверкая чешуёй, вихрем, помчалась обратно — к юрте.

Оглушённый сын упал. Миг лежал без движения. Потом — пришел в себя. И, не понимая ничего, понёсся за матерью. Он не знал, куда она. Но чувствовал: надо мчаться вслед. Он не мог догнать её — она исчезла вдаль — слишком быстра. Но он всё равно мчался за ней — маленький, упорный, беззащитный, но преданный до конца.

В это время в юрте всё пришло в смятение. Кызмончок никак не удавалось успокоить. Оба родителя переполошились. Склонившись над дочкой, они уговаривали, ласкали, прижимали к себе — но та билась в истерике, вся покрылась потом, кричала так, что голос срывался. Сырга в панике зажгла лампу, нащупала бутылочку, а Асылбек, передав ей ребёнка, сказал коротко:

— Попробуй покормить грудью.

— Сейчас... — Сырга села, приложила Кызмончок к груди. Но та откидывалась назад, отталкивалась, сопротивлялась изо всех сил.

— Не хочет... не берёт! — пробормотала Сырга, и тут же, не выдержав, сама разрыдалась.

— О, Господи! Что делать?! Родная, родненькая моя... Ну тише! Ну всё-всё, хватит, тише...

И вдруг её осенило. Что-то всплыло в памяти. Она вся похолодела.

— Асыке! — выдохнула она. — Может, её... укусил кто-то?! Паук, змея?... А?

У обоих в голове сразу всплыло: тот самый белый детёныш-змеи. Та встреча. То недо-разумение.

— Дай-ка её сюда! — Асылбек взял ребёнка, внимательно осмотрел её со всех сторон. — Нет, вроде бы ничего. Всё цело. Может, просто хочет пить? Дай молока.

Сырга, бледная, отрешённая, огляделась, нащупала бутылочку. Но в тот миг, когда пальцы коснулись сосуда, она вздрогнула, рука задрожала, будто её ударили током, и тут же, отчаянно, на всё жилище, раздался её крик:

— А-а-а-а-а!!..

Вопль разнесся по ночи, будто лопнула сама тишина. В этот самый миг половина тела змеи всё ещё извивалась у порога, но другая половина уже скользнула внутрь и теперь стояла прямо перед ними! Их взгляды встретились. Асылбек, прижавший ребёнка к груди, остолбенел. Его всего охватила судорога, тело обдало холодным потом. Тёмно-полосатая, как ожог, змея застыла напротив. Свет лампы падал прямо на её бесцветные, мертвенно пустые глаза — и от этого она казалась ещё страшнее, ещё ужаснее. Асылбек вдруг почувствовал, как подкашиваются ноги, как холод застывает в пальцах, как грудь сдавливает невидимый железный обруч.

Но тут же, он напрягся, словно кто-то чужой задел его гордость, его достоинство, его мужскую стойкость. В памяти — тот самый белый детёныш-змеи, с которым он столкнулся за юртой...

— Где-то рядом у них логово... — мелькнуло в голове, как выстрел.

Сырга сидела в шоке. После страшного крика у неё будто пропал голос. Теперь она только хрипло стонала, словно задыхалась. Ей никак не удавалось отвести взгляд от змеи. Она дрожала, не смея двинуться с места ни на шаг.

Асылбек с детства слышал от матери про «встречу глаз» между змеей и человеком. «Нельзя моргать. Нельзя опускать взгляд. Иначе — она нападёт». И он — не моргал. Глядя прямо в чёрные зрачки, не шевеля губами, не выдавая дыхания, он шепнул жене:

— Не двигайся, Сырга...

И только тогда Сырга пришла в себя. Хриплый стон её затих. Змея, показалось, тоже расслабилась. Будто выпустила яд... не только в молоко, но, и из души.

И тут же — словно в последний раз что-то напоминая этим людям, как предупреждение, как вызов, как заклятье — она резко прошипела:

— Тс-с-с-с!

Длинный, холодный, свистящий звук разрезал тишину. На несколько секунд всё вокруг замерло. Даже ребёнок стих. Он перестал плакать — и, наоборот, потянулся к змее, будто в ней увидел нечто знакомое. Он протягивал к ней ручки, разжимая и сжимая пальцы — словно звал. Только после этого змея пришла в движение. Она резким рывком скользнула к бутылке и в один миг обвилась вокруг неё. Затем раздался хруст — так трещит раскалывающийся на реке лёд — стекло рассыпалось мелкими осколками и молоко стекая по её гладкому телу закапало на войлочную кошму.

Змея, будто выдохнув, протяжно зашипела, встряхнулась, сбрасывая с себя мельчайшие осколки стекла и поползла к выходу. И тут Асылбек заметил того самого малыша. Маленький белый змей скользил сзади, стараясь не отставать от матери.

— Значит... — понял Асылбек, глядя им вслед, — ...она пришла из-за того, что я хотел убить её детёныша.

Но вслух он ничего не сказал. И Сырга — тоже. Они ещё долго просто сидели в тишине.

— Кызмончок! — неожиданно вскрикнула Сырга и бросилась к люльке. Но муж быстро и мягко остановил её:

— Тихо. Не разбуди. Она спит...

И правда — Кызмончок, свернувшись клубочком, сладко сопела в крепком безмятежном сне.

А в это время, по направлению к горам, там, где силуэты скал казались ещё более грозными в ночной тени, две змеи — большая и малая — плавно уползали прочь. Словно два духа. Две тени. Две судьбы.

Асылбек опустил на одно колено и, собирая осколки разбитой бутылки, осторожно ощупал пальцем влажное пятно — там, где разлилось молоко. «Что это за знак?.. Что хотела сказать змея?» — мысли одна за другой наваливались, сыпались, сбивали дыхание, но ответа не находилось. Да и как найти его? Кто додумался бы, что тёмная змея ещё в сумерках пришла по следу своего детёныша, и, решив, что люди погубили её дитя, в ярости отомстила, оставив яд в детском молоке?.. И что только благодаря тому, что по пути назад она всё же нашла своё дитя живым, вернулась и отменила проклятие...

Асылбек подбросил дров и сухой кизяк в очаг. Печь быстро загудела, заплескали искры, сухие ветки затрещали, и вскоре над металлическим чайником поднялся лёгкий пар. Жизнь начинала возвращаться в онемевший от страха дом.

Он налил крепкого чая и протянул чашку Сырге.

— Глотни! Полегчает.

Словно пригубив свет, Сырга вздрогнула, ожила. Немного погодя, она, хрипловато вздохнув, прошептала сквозь слёзы:

— Асылбек... Давай уедем... Далеко. В низину. К воде.

Муж не ответил. Он аккуратно укутал дочь и жену в одеяло, помог им устроиться на постели, и только когда дыхание Сырга стало ровным, и глаза её сомкнулись, — тихо вышел во двор. Ночь была глубокой, пугающе тихой. Небо было ясным. Над головой мерцали звёзды. Издали доносился глухой рокота реки.

«Скоро рассвет», — подумал Асылбек и, глубоко втянув ледяной воздух, расправил плечи. Всё внутри него звенело — и от холода, и от бессонной ночи, и от мыслей, что не давали

покоя. «Нет, это не обычные змеи... Но... почему они выбрали именно мой дом? Почему крутятся вокруг нас? Может, я чем-то им навредил?.. Что я сделал?.. Где ошибся?..» Но сколько он ни искал ответ — не находил. Мысли ходили по кругу, возвращаясь туда же, в неведомый страх.

Он ещё долго бродил пока звёзды не стали редеть, а в тёмной ткани ночи не появились первые нити утреннего света. И лишь тогда вернулся в дом.

Сырга, измученная ночными событиями, проспала тревожно, и едва скрипнула дверь — она резко вскочила, как подброшенная, шумно выдохнула в темноту. Даже увидев, что это Асылбек, долго не могла отдышаться, сжимая одеяло, как щит.

— Это я... я, Сырга... — прошептал он, прижимая её к груди, успокаивая. — Всё, всё, хватит бояться... Они ушли. Больше не вернутся.

Он ощущал, как она дрожит — не от холода, от испуга. За одну ночь Сырга словно постарела. Глаза потускнели, плечи опустились. И от этого у Асылбека защемило в груди. Осторожно он уложил её обратно в постель, укутал, как ребёнка. И тут в памяти всплыло... молоко.

Он подошёл ближе к чаше, заглянул: всё, как обычно — белое, с тонкой каймой сливок. Но... что-то внутри не отпускало. Что-то тихо нащёптывало: «проверь». Асылбек вынес молоко во двор. Пройдя по кругу, вылил его — тонкой струйкой — вокруг дома, как будто очерчивая границу. Остаток отнёс Кумайыку — своему псу.

Пёс, не веря такому щедрому завтраку, жадно вылакал всё до последней капли. Потом сел, поднял голову и с вопросом заглянул в глаза хозяину. Асылбек стоял молча, не сводя с него взгляда. Ждал. Ничего. Кумайык просто зевнул, вылизал морду и улёгся, свернувшись в клубок. Асылбек через некоторое время вышел и снова взглянул на собаку. Слава Богу... — подумал он, — не яд.

Когда Сырга проснулась, солнце уже поднялось довольно высоко. Но тело её оставалось вялым, словно налитым свинцом. Оно ныло, каждое движение давалось с усилием. Лоб был влажным, руки дрожали, и даже поднять голову оказалось задачей не из лёгких. Всё же, несмотря на слабость, она поднялась, прибрала постель и, заметив, как муж словно стал ещё внимательнее, ещё заботливее, ощутила в сердце едва уловимую оттепель.

Вдруг... её взгляд зацепился за что-то на полу. Она вздрогнула. Резко отступив назад, будто от огня, бросилась за порог: — Асылбек! Асыке!

Муж, запрягавший во дворе лошадь, поспешно откинул поводья на привязь и подбежал к ней:

— Что случилось?!

— Пойдём... Асыке!.. — ничего не объясняя, она схватила его за руку и, не отпуская, повела в дом. Едва переступив порог, Сырга указала на место у печки:

— Вон... смотри! — Голос её дрогнул. Она словно боялась смотреть туда.

Асылбек присел на одно колено. На полу, подле печки, лежала мёртвая мышь. Маленькая, серая, с раздувшимся животом, она была той самой, что часто шныряла тут по углам, став почти домашней, почти своей. Он осторожно подцепил её концом плети и осмотрел. Сырга взяла в руки совок.

— Дай я выкину!

— Подожди, — сказал он тихо. — Не спеши.

— Почему?! — удивилась она, не скрывая тревоги.

— Просто... если она сдохла от яда — лучше, чтобы ни кошка, ни собака не съели. Я закопаю. А ты, пройдишь-ка пока здесь, — бросил он через плечо, — соскреби ту сторону у печки. Там, где молоко пролилось... чтобы ребёнок вдруг не тронул.

Сырга весь день не отпускала Кызмончок от себя ни на шаг. Качала, держала на руках, гладила волосы, щекотала пяточки, — лишь бы чувствовать тепло её тела, слышать дыхание. И лишь когда малышка уснула, осторожно переложила её на сундук, поверх сложенных высоко

одеял. Сама же принялась скрести щёткой кошму. Потом, вынесла ещё влажную ядовитую шерсть наружу, выкопала ямку, схоронила, заполнила землёй, разровняла, утрамбовала и ещё раз пересыпала пеплом — как бы засыпая всё случившееся, словно хотела стереть саму память. Она пыталась держать себя в руках, но не всегда удавалось и тогда слёзы стекали по её щекам, и она негромко всхлипывала. Ночью она вновь ворочалась до рассвета, тело её пылало, как в лихорадке, а душа раз за разом скатывалась в какую-то бездонную, темную яму. Казалось, ещё немного — и чья-то тень опять пересечёт порог. Она вздрагивала от каждого шороха. Каждую секунду ожидала змеино-го шипения. И не спала до самого утра.

Асылбек спустился в долину, когда заалел рассвет. А к полудню он уже вернулся с Бубу-апой — старой знахаркой.

Семь дней подряд, ни дня не пропуская, Бубу-апа приходила в юрту и, обряд за обрядом, поднимала дух Сырги. Каждый раз она, словно сражаясь с самой смертью, утирала пот со лба, тяжело дышала и шептала что-то себе под нос. Её сморщенное, но живое лицо то бледнело, то пылало, глаза то закрывались, то вдруг распахивались в непонятном видении.

Каждое «сүф-ф!» — горячее дыхание, вырывавшееся из-под её губ — сопровождалось порывом воздуха, от которого шелестел жёлтый платок, а редкие белые волосы, будто струи пара, выбивались из-под него и трепетали, точно перышки. Временами, будто потеряв силы, она роняла руки, бессильно оседала на пол и тяжело дышала. Но спустя несколько мгновений, сжав кулаки, снова говорила строго:

— Иди-ка сюда! — и сухими, жилистыми, но по-прежнему крепкими руками вновь поднимала к груди Сырги руки, выравнивала ей дыхание. И даже Кызмончок успевала прошептать пару раз очищающий «дем».

— Господь уберёт! — наконец сказала она на седьмой день, устало, но с облегчением. — Сильная порча легла на девочку... Но слава Всевышнему — ей было позволено уцелеть. Значит, судьба у неё крепкая. А нам дан был знак...

— Но кто мог взглянуть? — неуверенно спросила Сырга. — Мы же никого толком и не видели на этом жайлоо... Всё одни и те же...

Бубу-апа прищурилась, не понравились ей эти слова.

— Ты думаешь, я выдумываю? Или не знаю, что говорю?!

Она строго посмотрела на неё и, немного успокоившись, добавила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.